

АЛЕКС СКАИ

СПЛЕТНЯ

часть первая

Алекс Скай
СПЛЕТНЯ.

«Автор»

2026

Скай А.

СПЛЕТНЯ. / А. Скай — «Автор», 2026

Пальмы в Питере? Море у подъезда? Хлопок на асфальте. Журналист Андрей возвращается домой и не узнает город. Реальность трещит- кто-то разорвал нити между мирами. Ведьма Милана три века зашивает разрывы. Семья из Риги бежит из горящей ЮАР сквозь тень на мокрой земле. Уличный бандит из Бангкока открывает в себе дар убивать и забирать чужие способности. Им предстоит встретиться, потому что Древняя Сплетня, связывающая вселенные начинает распускаться. Это только начало.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Скай СПЛЕТНЯ.

СПЛЕТНЯ
Декорации.

Я возвращался в свой старый многоквартирный дом. Тот, где жил лет пять назад. Всё было как всегда — так мне казалось. Но что-то висело в воздухе. Не то запах, не то напряжение. В людях тоже. Они шли мимо, но взгляды скользкие, излишне быстрые.

Потом я заметил хлопок.

Валялся вдоль дороги — коробочки, целые кучи, будто кто-то разбросал специально. Я поднял пару. Белоснежные. Такие густые и пышные, что я сначала подумал: искусственные. Нет. Самый что ни на есть настоящий хлопок.

Питер. Дорога к старой высотке. И хлопок.

Дальше — деревья.

Пальмы. Банановые деревья. Красивые кусты, как на открытке про Средиземноморье. Стоп.

Я живу в Петербурге.

Какие, к чёрту, пальмы?

Холодок пробежал по спине. Я остановился как вкопанный. И тут сердечко ёкнуло.

Прямо перед моей девятиэтажкой был пляж. Он начинался прямо от подъездов. А дальше — море.

Ощущение было странное: будто это всегда тут было. Но какая-то другая часть меня — та, что ещё не сошла с ума — просто кричала: этого не может быть. В принципе.

Я сделал несколько глубоких вдохов. Пошёл к своей парадной.

Лифт не работал. Пошёл пешком.

На лестнице встретил пару человек. Они поздоровались. Я их узнал. На следующем этаже — старого знакомого. Он жил в этом доме, но в другой парадной. Увидел меня — глаза округлил.

— Ба, какие люди. Ты где пропадал столько времени?

Мы пожали друг другу руки. Я вкратце сказал: мотался по миру, только сейчас вернулся в Питер. Пять лет не был дома.

Он спросил, что я тут делаю.

— Решил заглянуть на свою старую хату.

У него расширились глаза. Он сказал тише:

— Ты что, не знаешь?

— Что?

— Так её продали. Там теперь другие люди живут.

Я тяжело вздохнул. Идти мне больше было некуда.

Разве что к Милане. В бар. С ней мы постоянно общаемся в сети, я знаю, что она сейчас в Питере.

Мы попрощались.

Я вышел на улицу — с тяжёлым сердцем и какой-то гудящей тревогой.

Может, Милана объяснит мне, что с этим миром происходит.

Пальмы в Питере.

Бананы во дворе.

Хлопок посреди дороги.

Я вышел из парадной и остановился.

Море.

Оно было прямо здесь.

Волны лениво лизали асфальт у самого бордюра. Пляж — серый, питерский, но с каким-то южным песком, будто насыпали наспех. Пальмы качали лохматыми головами. Ветер пах солью и прелыми листьями.

Я достал телефон. Проверил геолокацию. Питер. Калининский район. Всё правильно.

Но не правильно.

Я пошёл. Без цели. Просто чтобы унять дрожь в руках.

Свернул во дворы — там тоже были пальмы. И банановые деревья. Я потрогал один лист — жёсткий, живой. Не декорация. Чёрт возьми, как?

За спиной хрустнул хлопок под чьим-то ботинком. Я обернулся — женщина с коляской, обычная, даже не смотрит по сторонам. Ей норм. Всем норм. Только я стою, вытаращив глаза, как дурак, который никогда не видел тропиков в родном дворе.

Но я их видел. Не здесь. В другом месте.

Таиланд

Я закрыл глаза и попробовал провалиться в память. Может, это сон? Или тепловой удар после перелёта?

Таиланд. Последний год. Я мотался от Паттайи до Чиангмая, от Пхукета до крошечных островов, о которых туристы даже не слышали. Работал на русские новости — брал интервью у выживших после аварий, снимал репортажи с пляжей, где отдыхающие топили горе в коктейлях. Вёл свой канал. Стримы с храмов, с ночных рынков, с джунглей, где водились змеи размером с мою ногу.

Я помню запах Таиланда. Влажный, пряный, с нотами жареного риса и выхлопных газов тук-туков. Помню, как однажды ночью в Паттайе снимал стрим из бара на крыше — подо мной шумел город, а надо мной висели звёзды, такие низкие, будто их можно достать рукой.

Там не было хлопка на дорогах.

Там были джунгли.

И море всегда было за горизонтом, а не у подъезда.

Я открыл глаза.

Питер. Сентябрь. Холодно, но пальмам плевать. Где-то за домами угадывался привычный пейзаж — серые пятиэтажки, магазин «Пятёрочка», детская площадка с качелями. Но на переднем плане — тропики. Как будто кто-то взял ластик и стёр границу между климатическими поясами.

Или между мирами.

Я поёжился. Нет, не надо таких мыслей. Есть объяснение. Глобальное потепление? Аномалия? Бред.

Я зашагал дальше, сворачивая к метро. На «Гражданском проспекте» было как обычно — люди спешили, подземка гудела. Но эскалатор вывез меня наверх, и я снова упёрся взглядом в пальмы. Они росли прямо у выхода. Кто-то поливал клумбу — там цвели не астры, а какие-то лианы с огромными алыми цветами.

Я присел на лавочку. Рядом парень листал ленту в телефоне. Я заглянул — у него на экране был обычный Питер. Без пальм. Без моря.

— Извините, а вы не видите ничего... странного? — спросил я.

Он поднял голову, окинул меня скучающим взглядом.

— В смысле?

— Ну, деревья. Пальмы.

Он посмотрел на пальмы. Потом на меня.

— Ну, пальмы. И что? У нас уже год такие.

— Год? — у меня голос сел.

— Да. Привыкли уже. Климат, знаете ли, — он усмехнулся и уткнулся обратно в экран.

Я встал. Год. Он сказал — год. А я отсутствовал пять лет. И за этот год Питер успел... что? Обзавестись пальмами? Морем во дворах?

Или это я уехал не туда?

Внутренний раскол

Мысль была дикой. Но я журналист. Я привык проверять факты. Моя работа — задавать неудобные вопросы и не верить первому впечатлению.

Я начал перебирать воспоминания о последних месяцах в Таиланде. Всё было реальным. Я помню, как вёл стрим из Чиангмая во время фестиваля фонариков. Как брал интервью у русского дайвера, который нашёл под водой статую Будды с нефритовыми глазами. Как спорил в комментариях с подписчиками про лучший пляж на Самуи.

У меня даже сохранилось видео — я сижу на камнях, за мной океан, и я говорю: «Скоро вернусь в Питер, соскучился по дождям и граниту».

Гранит. Дожди.

Вместо этого я вижу пальмы.

Может, я не в Питере? Может, это Таиланд, а я спятил? Но прохожие говорят по-русски, таблички на метро родные, а вон там «Пятёрочка» с синей вывеской.

Значит, мир изменился. Или я изменился. Или между отъездом и возвращением случилось что-то, что моя память отказывается записывать.

Хлопок. Он был повсюду. Я снова поднял коробочку — сунул в карман. На ощупь — как облако. Мёртвое облако.

Я пошёл дальше. Теперь путь был один — к Милане.

Бар «Тыквенная голова»

Я помнил адрес. Она присылала его в личку, когда мы обсуждали, где встретимся. «Заходи, когда вернёшься, у меня свой бар, не потеряешь».

Я шёл и пытался унять тревогу. Она — единственная, кто всегда казалась мне... странной. Ещё когда мы общались в сети, она иногда писала такие вещи, что волосы вставали дыбом. «Сегодня ночью кто-то умрёт в твоём районе» — и наутро я читал новости об убийстве. «Не ходи к водопаду в эту пятницу» — и я узнавал, что там обвал.

Я списывал на шутки. Сейчас уже не спишешь.

До её улицы было минут двадцать пешком. Я решил не торопиться — пусть голова немного проветрится. Но чем дальше я шёл, тем отчётливее понимал: это не проветрится. Это — поломка. И чинить её придётся там, где пахнет благовониями и старыми секретами.

Впереди показалась вывеска. Неоновая тыква. Летучая мышь с коктейлем. И название — я прочёл и невольно улыбнулся впервые за этот безумный день.

Я толкнул дверь.

Дверь поддавалась с лёгким скрипом, будто её не открывали сто лет. Внутри пахло так, как пахнет только в местах, где время идёт по кругу: воском, сушёными травами, дешёвым дымом и дорогими тайнами.

Я сразу понял — это её бар.

Лампы под потолком горели тускло-оранжевым, как свечи внутри тыкв. Стены были увешаны венками из искусственных (или настоящих?) цветов, зеркалами в резных рамах и чёрно-белыми фотографиями женщин в длинных платьях — все с одинаковыми глазами, внимательными и чуть насмешливыми. Барная стойка напоминала алтарь: на ней стояли бутылки с мут-

ными жидкостями, куриные лапки в банках и чья-то засушенная рука. Хэллоуин круглый год — смесь хиппи и некромантии.

В углу дребезжал старый музыкальный автомат. Песню я не узнал — какая-то восточная мелодия с переливами ситара.

За стойкой никого не было. Только два посетителя в дальнем углу: парочка с одинаковыми татуировками на шеях — они даже не подняли голов. Пили что-то чёрное из гранёных стаканов.

— Милана? — позвал я негромко.

Из-за шторы с изображением летучей мыши выскользнула она. Высокая, с волосами цвета воронова крыла, распущенными по плечам. На ней был длинный бархатный халат, расшитый звёздами, под ним — чёрная футболка с черепом. Глаза — зелёные, с вертикальным зрачком? Нет, померещилось. Обычные. Почти.

— Андрей, — сказала она и улыбнулась краешком губ. — Ты всё-таки вернулся. А я думала, тебя сожрали в джунглях.

— Съели бы, но я был невкусный, — я попытался улыбнуться в ответ, но вышло криво. Она кивнула на барный стул. Садись. Рассказывай. Только сначала выпей.

Милана плеснула из одной из мутных бутылок в две рюмки. Жидкость была цвета заката — оранжевая с красными искрами. На дне что-то крутилось.

— Это не яд?

— Яд, — спокойно ответила она. — Но медленный. Лет через двести. Пей.

Я выпил. Вкус был как у полыни и мёда одновременно. По телу разлилось тепло. Голова перестала гудеть.

— Ты видел пальмы, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— И море. И хлопок. И банановые деревья. Милана, я живу в Питере всю жизнь. Этого не может быть.

Она поставила локти на стойку и наклонилась ко мне. Её зрачки — точно были вертикальными. Я моргнул — обычные.

— Андрей, я задам тебе один вопрос, — тихо произнесла она. — Ты уверен, что вернулся именно в свой Питер?

Я не понял сначала. А потом по спине прошёл холод, как тогда у подъезда.

— В смысле?

— В прямом. Миры не стоят на месте. Где-то они соприкасаются, где-то налезает друг на друга. Ты уехал пять лет назад. Много изменилось.

— Пальмы? — хрипло спросил я.

— Пальмы — это цветочки.

Она замолчала, отпила из своей рюмки. Я ждал. Она смотрела куда-то сквозь меня, в стену, где висела фотография женщины с пронзительными глазами.

— Помнишь, ты рассказывал мне про стрим у водопада в Чиангмае? — вдруг спросила она. — Как у тебя пропал сигнал ровно на минуту?

Я вспомнил. Всё вспомнил в деталях — и сейчас, по её просьбе, разрешил себе провалиться в ту странную минуту.

Тайланд. Водопад Хью Чанг Кхон. Полгода назад

Я вёл стрим для своего канала. Стоял на деревянном мостике, подо мной гремела вода, а за спиной кричали обезьяны. Было душно, экран телефона запотевал. Я говорил в камеру:

— Сейчас мы подойдём к самому красивому месту, здесь, по легенде, местные духи принимают жертвы в виде цветов и...

Сигнал пропал. Не просто исчез — экран покрылся рябью как от старого телевизора. Я похлопал по телефону, перезагрузил. Минута тишины. В этой минуте я услышал что-то, чего

не слышал ни до, ни после. Треск. Как будто лопнуло стекло. Или как будто кто-то разорвал материю прямо у меня над ухом.

Я обернулся — никого. Зато вода в водопаде на секунду потекла вверх. Я моргнул — всё стало как прежде. Сигнал вернулся. В чате писали: «Андрюх, ты завис, картинка сломалась». Я тогда рассмеялся и сказал, что плохая связь в джунглях.

Сейчас, сидя в баре Миланы, я понял: не рассмеялся бы снова.

— Тот треск... это было что-то? — спросил я.

Милана налила ещё. На этот раз из другой бутылки — почти чёрную.

— То, что ты сейчас видишь вокруг — пальмы, море у подъезда, хлопок на дорогах — это последствия. А треск — это был момент. В тот самый момент где-то недалеко от тебя открылся разрыв.

— Разрыв? — я почувствовал, как слова стали тяжёлыми.

— Дыра между мирами, — она сказала это буднично, как будто речь шла о дырке в носке. — Таких дыр становится всё больше. Люди не замечают, их мозг сам дорисовывает привычную картинку. Но ты, Андрей... ты заметил. Потому что ты был там, у водопада, когда это случилось первый раз. Ты слышал, как лопается пространство. Теперь ты будешь замечать всегда.

— Но что это за хлопок? Коробочки? Море...

— Это осколки, — перебила она. — У каждого мира есть своя природа, свои законы. Когда разрыв проходит через наш мир, он оставляет мусор из других вселенных. Хлопок оттуда, где вечные поля цветут круглый год. Пальмы — из мира, где никогда не было зимы. А море у твоего дома — из мира, где океан решил завоевать сушу. И он побеждает.

Я сидел и молчал. За соседним столиком парочка с татуировками шеи вдруг зашипела друг на друга и выбежала на улицу. Автомат заиграл что-то грустное.

— Милана, скажи мне прямо, — я посмотрел ей в глаза. — Это конец? Питер утонет? Мы все превратимся в бананы?

Она усмехнулась, но смех вышел невесёлым.

— Это только начало. Разрывы — это не стихийное бедствие. Их кто-то открывает. Или что-то. Я и мой ковен пытаемся понять, как это остановить. Но пока... пока мы только считаем погибших.

— Погибших?

Она кивнула на дверь, куда выбежала парочка:

— У них случился разрыв прямо внутри квартиры. Девушка увидела свою тень на стене — и она была не её. Она шагнула в тень. Парень попытался её вытащить — и вытащил одну руку. Холодную, чужую. Они пришли сюда выпить, чтобы забыть.

Я почувствовал, как пол под ногами качнулся.

— Милана... я видел сегодня, когда шёл к тебе. Лужа. В ней не было моего отражения. Только чьё-то чужое лицо. Я шагнул в сторону, но не провалился. Почему?

Она вдруг стала серьёзной, почти испуганной. Схватила меня за запястье, резко закатала рукав куртки.

— Молись, чтобы не провалился. Потому что если ты войдёшь в разрыв сам — не факт, что сможешь вернуться. Ты не деревенская ведьма из моего ковена, у тебя нет защиты. Ты просто журналист с видеокамерой и дурью в голове.

Она отпустила руку. На моём запястье остались красные следы от её пальцев.

— Но есть ещё кое-что, Андрей, — она понизила голос до шёпота. — Ты спросил про погибших. Я не договорила. Оказалось, что если убить человека, который побывал в разрыве... все его способности переходят к убийце. И люди скоро узнают об этом. Если уже не узнали. Ты понимаешь, что начнётся?

Я понял. Спокойно и чётко, как понимают приговор.

— Война всех против всех, — сказал я.

Милана кивнула.

— Добро пожаловать в новый Питер. Или не в Питер. Тебе надо решить, ты с нами или против. Но сначала — поспи. У меня есть комната наверху. Утром поговорим.

Она поднялась и скрылась за шторой. Оставила меня с чёрной рюмкой, засохшими травами и страхом, который разрастался в груди, как тайский водопад, текущий вверх.

Но где-то в этом страхе проснулось другое чувство. Журналистское. Мне захотелось узнать правду. Любой ценой.

Я допил чёрную жидкость — на этот раз она была сладкой, как яд.

Ночь, которая не хотела кончаться

Комната наверху оказалась маленькой, пыльной и очень круглой, будто находилась внутри башни. Окно выходило во двор-колодец, где росли пальмы (какие же они тут огромные, с живыми банановыми гроздьями) и сохло бельё. Я лёг на скрипучую кровать, укрылся одеялом, пахнущим лавандой и чем-то кислым. Милана оставила мне стакан воды и сказала: «Если приснится что-то чёрное — не открывай глаза».

Я подумал, что это шутка. Но Милана не шутила.

Я выключил свет. Тьма была плотной, как бархат. Я лежал, смотрел в потолок и слушал, как под домом плещется море. Оно было рядом — теперь всегда. Я вспоминал Миланины слова про разрывы, про способности, которые переходят через убийство. Про то, что её ковен считает погибших. Но ведь она не сказала, сколько их. И не сказала, откуда берутся сами разрывы.

Задавать эти вопросы у меня не было сил. Веки тяжелели. Я провалился — не в сон, а в клейкую, липкую воронку, где воспоминания и реальность перемешались, как карты в колоде.

Сон первый. Пхукет. Прошлый декабрь.

Я стою на пляже Ката. Ночь, звёздное небо, на горизонте — огни кораблей. Я снимаю стрим, говорю что-то про то, какой здесь чистый воздух. Но воздух не чистый. Он пахнет гарью. Я поворачиваю камеру вверх — тайское небо всё в звёздах, но одна звезда висит ниже других. Горит красным. Пульсирует. Я знаю, что звёзды так не делают. Хочу сказать это в стрим, но в чате никто не смотрит. Все комментарии пустые. Только один вопрос от пользователя с ником Сплетня: «Ты видишь?».

Я просыпаюсь в холодном поту. Комната кругом та же. Море шумит. Я выпиваю воды. Засыпаю снова.

Сон второй. Бали. Год назад.

Я снимаю репортаж о храме Улувату. Обезьяны воруют у туристов очки. Солнце садится в океан, красиво, как на открытке. Я поднимаю голову и вижу, что океан зелёный. Не синий, не бирюзовый, а мутно-зелёный, как болото. И он не падает вниз с обрыва — он висит вертикальной стеной. Вода стоит ровно, как стекло. Внутри этой стены я вижу людей. Они плывут в ней, как в аквариуме. Один из них оборачивается — у него лицо моего знакомого, которого я встретил в подъезде. Того, кто сказал, что мою квартиру продали. Он улыбается мне из зелёной воды и машет рукой.

Я кричу. Обезьяны разбегаются.

Просыпаюсь. Сердце стучит как бешеное. Я ищу телефон — экран залит рябью, как тогда у водопада. Хлопаю по нему — рябь исчезает. Время 3:47 ночи.

Сон третий. Египет. Два года назад.

Александрия. Библиотека. Я делаю материал для русскоязычного канала о древних манускриптах. Мы стоим в зале, где хранятся папирусы. Вдруг библиотекарь — сухой старик в

белой галабее — говорит мне шёпотом: «У вас тоже качается пол?». Я смотрю вниз. Пол качается. Он не твёрдый — он как ткань, натянутая на яме. Под ним что-то дышит. Я делаю шаг назад — пол прогибается. Ещё шаг — и он рвётся с сухим треском. Из дыры лезут корни. Не пальм — каких-то других деревьев, чёрных, с блестящими листьями. Они обвивают мои ноги. Я хватаюсь за библиотекаря — он улыбается беззубым ртом и говорит: «Не бойся, это всего лишь сплетни».

— Какие сплетни? — кричу я. — О чём вы?

— О том, что было. О том, что будет. Миры сплетаются, молодой человек. А вы — просто узелок.

Корни душат меня. Я задыхаюсь. Темнота.

Реальность (или что за неё здесь принимают)

Я вылетаю из сна, как пробка из бутылки. В комнате светло — за окном уже рассвет. Солнце пробивается сквозь пальмовые листья и рисует на стене жёлтые полосы. Я мокрый. Футболка прилипла к спине. Я смотрю на свои руки — на запястье до сих пор красные следы от пальцев Миланы.

Спускаюсь вниз. Бар пуст, только Милана сидит за стойкой с чашкой чая. Перед ней большая карта Питера, расчерченная красными линиями. Некоторые линии заканчиваются чёрными крестиками.

— Ты кричал во сне, — говорит она, не оборачиваясь. — И звал библиотекаря. Что тебе приснилось?

Я сажусь напротив. Рассказываю. Она слушает молча, только морщит лоб.

— В Египте ты был на самом деле два года назад? — спрашивает.

— Да. Я делал тот репортаж. Но пол не качался. И никакой старик мне ничего не шептал.

— А теперь — приснилось, — она постукивает пальцем по карте. — Или не приснилось. Знаешь, Андрей, разрывы — это не только дыры в пространстве. Иногда сквозь них просачиваются воспоминания. Чужие. Или свои, но из будущего. Или из прошлого, которое ты забыл.

— Ты хочешь сказать, что я видел что-то реальное?

— Я хочу сказать, что ты стал чувствительным. Очень. И если так пойдёт дальше, ты начнёшь видеть разрывы даже без дождя и луж. Просто так. Среди бела дня.

Я смотрю в окно. Там, за стеклом, Питер. С пальмами. С морем. С хлопком на асфальте. И с людьми, которые идут на работу, не замечая, что живут уже не в своём мире.

— Милана, а ты сама? Ты видишь разрывы? Ты ведьма.

— Я их чувствую, — она отпивает чай. — Как зубную боль. Все триста лет моей семьи. Но даже мы не знаем, как их закрыть. Или кто их открывает.

Она смотрит на меня. В её глазах нет ответов. Только усталость.

— Но есть один способ, — добавляет она тихо. — Очень опасный. Если пройти сквозь разрыв и вернуться обратно живым, то приобретаешь способность управлять пространством. Правда, никто не знает, куда тебя выбросит по ту сторону. И выберешься ли ты вообще.

Я молчу. Мысли путаются. Но где-то внутри, под страхом, рождается странное, безрассудное любопытство. Журналистское. Или дурацкое.

— Покажи мне один разрыв, — говорю я. — Сейчас. Сегодня. Я хочу увидеть своими глазами.

Милана ставит чашку. Долго смотрит на меня. Потом кивает.

— Хорошо. Но не вини меня, если твоя крыша уедет в Таиланд без обратного билета.

Милана, а ты точно ведьма?

Она вдруг щёлкает пальцами — и в комнате гаснет свет. Остаются только свечи на столике.

— Ты хочешь знать, кто я? — говорит она тихо. — Не рассказывать. Ты хочешь увидеть.

Я не успеваю ответить. Она кладёт ладонь мне на лоб — ледяную, сухую — и я проваливаюсь.

Два года назад. Не Питер. Не мой мир.

Я — Милана. Я чувствую её тело — лёгкое, гибкое, с длинными пальцами, которые всегда пахнут можжевельником. Я стою на крыше дома в центре Петербурга. Но это не тот Петербург, где я вырос. Шпили и купола висят в небе, как перевернутые свечи, а под ногами плещется Чёрное море. Дома отражаются в воде вверх ногами.

— Сплетение начинается, — говорит голос позади.

Я оборачиваюсь. За мной стоят три женщины. Все одинакового роста, с одинаковыми зелёными глазами, как у Миланы, но старше. Мать, бабушка, прабабушка — я понимаю это без слов. И каждая держит в руке железный нож с чёрной рукоятью.

— Мать, — говорит моим голосом Милана (я слышу её мысли). — Сегодня разрыв открылся в Эрмитаже. Сотрудник убирал картины — и провалился в собственный след на полу. Мы не успели.

— Знаю, дочь, — отвечает старшая. — Потому мы и здесь. Ты должна запечатать его.

— Я не умею.

— Ты — глава ковена. Ты умеешь больше, чем думаешь.

И тут она отводит мою руку — Миланину руку — и полосит ножом по воздуху. Вместо крови из пустоты течёт серебряная нить. Она светится, змеится, и мать велит: «Завяжи узел».

Милана делает это. Она берёт серебряную нить, пропускает сквозь пальцы и завязывает узел. Простой, как на шнурке. В тот же миг под нами, в чёрной воде, что-то щёлкает. Разрыв захлопывается. Воздух перестаёт вибрировать.

Женщины исчезают. Остаётся только мать.

— Хорошо, — говорит она. — Но это был маленький. Настоящие рвут пространство на куски. Ты увидишь их скоро.

Мать шагает в воздух — и растворяется, оставив на том месте мокрую тень.

Я (Милана) остаюсь одна на крыше. Внизу плачет ребёнок. Я спускаюсь по стене, как кошка — отвесно, цепляясь за выступы, которых нет.

Я оказываюсь во дворе. Там лежит парень. Лет двадцати. Из его груди тянется корень — чёрный, гладкий, толщиной в руку. Он уходит в разрыв, который всё ещё пульсирует в асфальте, как открытая рана.

Парень ещё жив. Он смотрит на Милану и шепчет: «Забери... забери это... я не хочу...»

Корень дёргается. Милана наступает на него ногой. Он шипит и отпускает парня.

— Ты видел разрыв? — спрашивает она.

— Видел. Я шёл домой, а моя тень пошла не туда — в стену. Я шагнул за ней...

— И вошёл. Теперь ты отмечен.

Она наклоняется. Кладёт руку ему на грудь. Из ладони идёт зеленоватый свет — такой же, как в её глазах. Рана затягивается. Парень дышит ровнее.

— Ты будешь жить, — говорит Милана. — Но больше никогда не приближайся к своим теням в сырую погоду. Понял?

Он кивает. Встаёт, пошатываясь, и уходит, не оглядываясь.

Милана остаётся одна. Смотрит на разрыв — он всё ещё слабо мерцает в асфальте, как лужа.

— Три века, — говорит она тихо. — Три века моя семья зашивает эти дыры. А скоро они откроются навсегда.

Она плюёт в разрыв. И он захлопывается с хлопком, похожим на удар хлыста.

Сейчас. Комната в баре.

Я открываю глаза. Моя голова лежит на столе, щекой прилипла к дереву. Милана сидит напротив, пьёт чай.

— Сколько времени прошло? — спрашиваю хрипло.

— Пять минут, — отвечает она. — Но ты прожил два часа. Какие ощущения?

Я молчу. Потому что внутри меня всё ещё пульсирует чужое воспоминание — как она ходит по стенам, как завязывает узлы из серебряных нитей, как зашивает раны, оставленные разрывами.

— Ты настоящая ведьма, — говорю наконец.

Она усмехается:

— А ты думал, я венки на Хэллоуин надеваю?

— Но почему ты мне это показала?

Милана ставит чашку.

— Потому что я хочу, чтобы ты понял: я не могу спасти этот мир одна. А ты теперь видишь разрывы. Или скоро начнёшь. Ты мне нужен, Андрей.

— Я журналист, а не воин.

— Воинов у меня полно. А вот тот, кто умеет смотреть и запоминать — один ты. Миры сыплются, а никто не фиксирует, откуда что прилетело. Пальмы из одного мира, хлопок из другого, море — из третьего. Мне нужен летописец хаоса. Или свидетель.

Она смотрит на меня так, что я понимаю: отказаться нельзя. Не потому, что она ведьма. А потому что если не я, то кто?

— Хорошо, — говорю я. — Показывай свои разрывы. Но если моя крыша уедет окончательно...

— Я дам тебе направление в психушку, — улыбается она. — Самую лучшую, с пальмами и видом на море.

Я беру телефон. Мы выходим из-за стойки. Но до выхода на улицу дело не доходит. Потому что в этот самый момент раздаётся стук в дверь.

Милана замирает.

— Погоди, — говорит она. — Это не ко мне. Или ко мне.

Она идёт к двери. Я — за ней.

Но прежде чем открыть, давайте вернёмся немного назад и посмотрим, кто идёт по странному Петербургу, чтобы постучать в этот бар.

Два года назад. Йоханнесбург. Район Сандтон.

Было воскресенье, и это значило: Янис в гараже, Мартиныш что-то паяет, Лига рисует, а Эльза печёт яблочный пирог. Порядок, который держал их мир.

Виллу они сняли три года назад. Хозяин был грек, уехавший в Салоники, поэтому в доме остались тяжёлые люстры, мраморные полы и бассейн, в котором никто не купался, потому что вода была ледяная даже летом. Янис говорил: «Мы не в Риге, тут можно жить», и Эльза соглашалась, хотя иногда скучала по серому небу и тополям.

За окном жарило африканское солнце. Жакаранды цвели лиловым, и от этого воздух казался сиреневым на вкус.

— Па, у меня транзистор греется, — донеслось из гаража. Мартиныш, четырнадцать лет, уже тогда был худым, длинным и вечно в масле. Он строил свой первый усилитель по схемам из интернета.

— Понижь напряжение, — ответил Янис. Он лежал под джипом, проверяя ходовую. Пахло горячим металлом и травой, которую сосед стриг каждую субботу.

На веранде Лига, девяти лет, выводила акварелью павлина. Хвост получался слишком ярким — будто не птица, а окно в другой мир. Она часто рисовала такое: цвета, которых нет в природе, тени, которые падают не туда. Эльза сначала думала — воображение. Потом заметила, что в дни, когда Лига рисует особенно странно, в доме ломается техника или собака соседа воеет без остановки.

— Лига, иди есть, — позвала Эльза с кухни. Пирог подрумянился. Она выключила духовку и вытерла руки о фартук с вышитой совой — подарок из Риги, который она берегла.

Они ели на веранде. Мартиныш оторвался от платы, Лига вытерла кисти. Янис поднялся из-под джи́па, вымыл руки и сел во главе стола.

— Сегодня звонил дедушка, — сказал он. — Спрашивал, не хотим ли вернуться.

— А ты что? — Эльза нарезала пирог.

— Сказал — пока нет.

Мартиныш хмыкнул. Дедушка звонил каждое воскресенье, и каждый раз ответ был один. Эльза смотрела на оранжевое солнце, которое садилось за деревья, и чувствовала — пройдёт два года, и всё изменится. Но это чувство было ещё смутным, как запах грозы далеко-далеко.

После обеда Лига показала павлина. Янис долго молчал, потом сказал:

— У него крылья как двери.

— Это не двери, — серьёзно ответила Лига. — Это дыры. Но красивые.

Она обвела пальцем хвост, и на минуту показалось, что краски на бумаге пошевелились. Мартиныш отвёл взгляд. Эльза взяла рисунок, положила в железную коробку — ту самую, которая потом спасётся от потопа.

Вечером у бассейна они смотрели, как огромная африканская луна поднимается над крышами. Янис курил трубку — единственная слабость, которую Эльза ему прощала. Мартиныш копался в телефоне. Лига спала на шезлонге, укрывшись пледом.

— Знаешь, — сказала Эльза тихо. — Я сегодня точно знала, что пирог не подгорит. И что Мартиныш не порежется паяльником. Как будто... увидела заранее.

Янис выдохнул дым:

— Интуиция. У тебя она сильная.

— Это не интуиция, Янис. Я просто знала. Картинками.

Он помолчал, потом погладил её руку.

— В ЮАР такое бывает. Жара. Ты просто устала.

Эльза не стала спорить. Но внутри она поняла: с ней что-то происходит. Что-то, чему нет названия.

Через два года, когда бунтующие толпы будут ломиться в их ворота, она увидит не картинку пирога, а весь их побег — минута за минутой. И спасёт семью.

Но тогда, в то воскресенье, она просто улыбнулась мужу и пошла мыть посуду. Пальмы во дворе качались под ветром. Луна отражалась в чёрной воде бассейна.

Йоханнесбург. Район Сандтон. Три дня назад.

Они жили в ЮАР уже семь лет. Янис, инженер-электрик из Риги, получил контракт на модернизацию подстанций. Эльза, его жена, бывшая учительница латышского, вела дом и учила детей русскому и латышскому, чтобы не забыли корни. Мартиныш, шестнадцать лет, учился в местной школе, играл в регби, мечтал о киберспорте. Маленькая Лига, одиннадцать, собирала гербарий и рисовала комиксы про супергероев.

Их дом — белая вилла за высоким забором, с бассейном и бугенвиллеей — стоял на границе двух миров. По одну сторону — ухоженные газоны и тихие улицы. По другую — железные лачуги Соуэто, где копилась злоба, как порох в бочке.

Эльза в последние дни чувствовала странную тревогу. Ей снились цифры: время, часы, минуты. Просыпаясь, она записывала их в блокнот. Янис посмеивался: «Ты всегда была мнительной». Но сегодня утром она проснулась с криком.

— Нам нужно уехать, — сказала она мужу за завтраком. — Сегодня. Через три часа начнётся бунт в торговом центре, где ты должен был брать запчасти. Я видела это.

— Видела? — Янис отложил тост. — Эльза, ты не можешь видеть будущее.

— Могу. Я вчера точно предсказала, что Лига упадёт с лестницы в 11:42. И она упала. Я знала, что Мартиныш принесёт двойку по математике в пятницу — и он принёс. Это не совпадения.

Янис покачал головой, но тревога закралась. Он позвонил коллеге, тот подтвердил: центр закрыт на учения, запасных частей нет. Янис побледнел.

В три часа дня к их дому подъехали два пикапа с молодыми чернокожими парнями. Они кричали что-то на зулу, размахивали битами. Забор затрясся.

— Это начало, — прошептала Эльза.

Первая способность. Щит Яниса.

Янис бросил детей в подвал и выбежал во двор с дробовиком — старый «Беретта», купленный для защиты от грабителей. Первый удар по воротам отбросил его назад. Воротагнулись.

— Откройте! — кричали снаружи. — Мы знаем, вы белые паразиты!

Янис выстрелил в воздух. Бесплезно. Их было двадцать. Он почувствовал, как внутри поднимается волна жара — не гнева, а чего-то другого. Его руки начали светиться бледно-голубым. Перед ним, в метре от тела, материализовался полупрозрачный щит, мерцающий как мираж.

Первый кирпич, пролетевший через забор, ударился в щит и рассыпался в пыль. Второй — тоже. Третий. Пули, выпущенные из ржавого пистолета, застыли в воздухе в сантиметре от лица Яниса и упали.

— Бегите через чёрный ход! — крикнул он жене. — Я их задержу.

Эльза с детьми выскользнула через заднюю калитку. Янис держал щит ещё минуту, потом силы кончились, он упал на колени. Но щит не пропустил ни одного удара. Толпа ворвалась в дом, но хозяев уже не было.

Вторая способность. Предвидение Эльзы.

Они бежали по переулкам. Сзади раздавались выстрелы и крики. Город горел — где-то близко, где-то далеко. Эльза остановилась, закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись картинки: вот они сворачивают налево — и попадают в засаду. Направо — пустырь, за ним разрыв в пространстве. Она не знала слова «разрыв», но видела его: дрожащую тень на земле, похожую на их общую семейную тень.

— Направо, — сказала она твёрдо. — Быстро.

Они выбежали на пустырь. Там действительно была странная область асфальта — под ногами плыло, как в горячий день, хотя было прохладно.

— Мама, там что-то не так, — сказал Мартиныш. В его глазах отразилось то, чего другие не видели: край реальности, загибающийся вверх, как картон. Он провёл рукой — и пальцы исчезли на мгновение.

— Это дыра, — прошептал он. — Я вижу дыру. Но в ней другой воздух.

Сзади залаяли собаки и раздались крики на зулу. Толпа нашла их.

— Прыгаем, — решила Эльза. — Я вижу — там безопасно. Доверьтесь мне.

Янис подхватил Лигу на руки. Мартиныш схватил мать за руку. Они шагнули в дрожащую тень на асфальте.

И мир перевернулся.

Третья способность. Успокоение Лиги.

Они упали на мокрую брусчатку. Небо было серым, пахло рекой и дымом. Вокруг стояли старые дома с вывесками на русском, и — это было самое странное — везде росли пальмы.

— Где мы? — спросил Янис, потирая ушибленную руку.

— Питер, — ответила Эльза, посмотрев на знак. — Мы в Санкт-Петербурге. Но как — я не знаю.

Лига плакала. Она видела, что мать и отец напуганы, брат сжимает кулаки. Она подошла к каждому по очереди, положила ладошку на лоб, и страх уходил, как вода сквозь песок. Её дар был тихим, но сильным. Маленькая латышская девочка в чужом мире умела дарить покой.

— Здесь пахнет морем, — сказала она спокойно. — И опасностью. Но мы справимся.

Они пошли по улице, оставляя за спиной дрожащий разрыв. Мартиныш оглянулся и увидел, как разрыв сворачивается, превращаясь в обычную лужу с отражением пальмы.

Прогулка по странному Петербургу

Они вышли из разрыва на пустыре возле станции метро «Спортивная». Сзади ещё мерцала лужа, в которой отражалось небо — но не питерское, серое, а чужое, зеленоватое, как гнилой апельсин.

Янис огляделся. Он узнавал город — он бывал здесь пять лет назад, в командировке. Тогда всё было нормально: берёзы, гранит, привычная тоска. Сейчас...

— Папа, смотри, — Лига тянула его за рукав. — Там пальма.

Она росла прямо у выхода из метро. Высокая, лысая внизу, с лохматой шапкой наверху. Рядом с ней — ещё одна. И ещё. Целая аллея из пальм вдоль проспекта Добролюбова.

— Мама, это не наше, — сказал Мартиныш. В его голосе не было страха, только холодное любопытство. Он достал телефон, попытался снять — экран снова пошёл рябью. Он убрал.

— Не трогай технику, — посоветовал Янис. — Сейчас всё работает через раз.

Они пошли по Добролюбова. Странная была улица. Дома — старые, дореволюционные, с лепниной и чугунными решётками, такие же, как в прошлом Питере. А из окон первых этажей свешивались лианы с огромными алыми цветами, похожими на граммофоны. На газонах вместо крапивы росли заросли бамбука. А асфальт был усыпан хлопком. Белым, чистым, пушистым, словно кто-то разорвал тысячи облаков и разбросал по мостовой.

Мартиныш нагнулся, поднял коробочку. Оттуда вывалились семена — странные, с синим отливом.

— Это не хлопок, — сказал он. — Это вообще не растение. Смотри, они шевелятся.

Эльза резко выбила коробочку из его руки.

— Не трогай ничего, что лежит на земле. Особенно здесь.

— Почему здесь?

— Потому что этот город... он не наш. То есть он похож, но внутри — чужой. Я вижу это. Каждую минуту.

Она не врала. С каждым шагом перед её внутренним взором проносились картинки — дерево, которое дышит; лужа, в которой нет дна; человек, чья тень идёт не за ним, а навстречу. Эльза сжимала кулаки, стараясь отогнать видения, но они лезли сами.

Они вышли к Ростральным колоннам. Те были на месте — две огромные, с носами кораблей у подножия. Но... Янис остановился.

— Это что, море?

Прямо за колоннами расстилалась вода. Не Нева — нет, Нева была слева, узнаваемая, с серой рябью и чайками. А справа, где раньше была набережная и здания, теперь плескалась

вода. Голубая, прозрачная, с мелкими волнами — как на курорте. Пальмы росли прямо из воды, их корни торчали наружу, как щупальца.

— Такого не может быть, — выдохнул Янис.

— Может, — ответила Лига спокойно. — Там, где мы были, тоже деревья росли из воды.

Корни не тонут.

Мартиньш смотрел на воду и видел, как под поверхностью движутся тени — большие, медленные, не похожие на рыб.

— Нам туда, — Эльза указала на Биржевой мост. — Только быстро. Не смотреть вниз.

Они пошли по мосту. Это был Биржевой — он соединял стрелку с Петроградской стороной, но теперь вместо привычных бетонных опор из воды торчали илистые наросты. А под ногами... под ногами был не асфальт, а что-то мягкое, упругое, похожее на кожу.

— Не смотрите вниз, — повторила Эльза.

Лига посмотрела. И пожалела. Под прозрачной мембраной моста двигались нити — белые, пульсирующие, как живые. Они переплетались, завязывались в узлы и развязывались снова.

— Это сплетня, — сказала девочка, не зная, откуда взялось это слово.

На том берегу, у Дворцового моста, их ждала новая странность. Мост был разведён. Не полностью, а чуть-чуть — ровно настолько, чтобы между крыльями оставалась щель шириной в метр. Из щели торчали ветки. С пальмами. Мост разводил пальмы.

— Как мы перейдём? — спросил Янис.

— Переждём, — ответила Эльза. — Через три минуты он сведётся. Я вижу.

Она ошиблась на минуту. Мост начал сводиться через четыре. Но когда крылья сошлись, с хлопком, похожим на выстрел, из щели вылетело облако белых коробочек хлопка. Одни упали в воду, другие — на мостовую.

— Не собирать, — машинально сказала Эльза.

Они прошли Дворцовый мост и оказались у Эрмитажа. Зимний дворец был на месте. Но вместо Александровской колонны на Дворцовой площади стояло дерево. Огромное, выше Главного штаба, с раскидистой кроной, с которой свисали тёмно-синие цветы, светящиеся в темноте. У подножия дерева лежали люди. Не мёртвые — спящие. Они лежали на коробочках хлопка, как на перинах, и улыбались во сне.

— Не подходи к ним, — сказал Янис, заметив, что Лига сделала шаг вперёд. — Они не проснутся. Я... я знаю это. Чувствую.

Он сам не понял, откуда взялась эта уверенность. Просто внутри появилось знание — абсолютное, ледяное, как вода в Неве. Если подойти к дереву — заснёшь навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.